

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №11 ГАЗЕТА

Егор Карпов / Жена музыканта

КАРПОВ Егор Владимирович

Родился на Алтае в городе Бийске. Школу окончил в Подмоскowie. Призер первенства СССР среди юношей по боксу. До 2005 года работал в СМИ. Был корреспондентом новостей в межгосударственной телекомпании «Мир». В 2007 окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Снял несколько короткометражных фильмов. Победитель и призер международных кинофестивалей. Участник Московского международного кинофестиваля с документальным фильмом об Андрее Тарковском.

«Роман-газета» награждена памятной медалью «М. А. Шолохов»

В честь дня рождения Михаила Александровича Союз писателей России учредил медаль «Михаил Шолохов», которой будут награждены не только литераторы, а и редакционные коллективы, бережно относящиеся к отечественным литературным традициям, филологи, музейные работники, библиотекари, актёры, общественные деятели, внёсшие весомый вклад в дело пропаганды творческого наследия писателя и в защиту русского слова.

В подписанном председателем СП России приказе среди награждённых в связи с юбилеем писателя — В. Лихоносов, И. Машбаш, Ю. Мориц, В. Потанин, К. Скворцов, издатели книг Шолохова В. Осипов и А. Стручков, меценат А. Черномырдин, сотрудники Шолоховского музея в Вёшенской. Наград удостоены многие руководители региональных писательских организаций, среди них А.Смышляев (Петропавловск-Камчатский), Л. Иванов (Тюмень), В. Гурьянов (Саратов), Ю. Щербаков (Астрахань), Е. Козлова (Сыктывкар), Е. Пиетиляйнен (Петрозаводск), Т. Воронина (Севастополь) и другие. В списке — писатели Н. Беседин, В. Крупин, С. Куняев, Ю. Поляков, А. Проханов, В. Сорокин, О. Фокина. Награждены коллективы редакций газет «Литературная газета» и «Слово», издательства «Вече», журналов «Роман-газета» и «Подъём». Не могли быть не отмечены старейшие работники центрального аппарата СП России М. Зубавина, Н. Никольская и И. Первозванова. За большое содействие в организации литературного процесса медалей Шолохова удостоены Президент Российского книжного союза С. Степашин и руководитель Гильдии книжников Б. Есенькин, скульптор К. Чернявский, представители Совета молодых литераторов А. Тимофеев и Д. Ханин. Актёры В.Конкин, Ю. Назаров, П. Нечитайло. Представитель Ростовского землячества в Москве В. Горин. Директор ЦДЛ Г. Максимова. И еще писатели — В. Бояринов, К.Ибрагимов, Г. Красников, В. Курбатов, В. Латынин, М. Орешета, Ю. Павлов, А. Полубота, О. Рябов, А. Тер-Маркарян, Л. Щипахина...

Награждённых по всей России — 115 человек, это цифра, равная количеству лет Михаила Александровича Шолохова. В подавляющем большинстве среди награждённых — мастера слова из регионов России, которые не особо обласка-

ны вниманием и наградами, но из года в год радовавшие нас своими книгами, активно участвовавшие в жизни своего творческого Союза. Отсутствие некоторых общезнаковых для нашего Союза имён говорит лишь о том, что они были удостоены государственных и республиканских наград и знаков отличия СП России в течение прошедшего года или предполагаются к поощрению в ближайшем будущем.

Пресс-служба СП России

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**

Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2020
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 № 1 1 /1856/ Основана в 1927 г.

Егор Карпов

Жена музыканта

Роман

Часть I

КЛОУН

Эта история началась в 1993-м году. После путча 1991-го распался Советский Союз, впереди ельцинский переворот 1993-го... А пока — несформировавшийся СНГ. Полная неопределенность: что будет со страной, с ее народом, с каждым из нас? Свобода охватила все сферы жизни. С границами СССР рушились остальные границы: в культуре, семье, в отношениях людей. Все дозволено. Люди жили надеждой на новые времена и не знали, как распорядиться свалившейся свободой собственной воли. Страна и народ стояли на распутье, а пока — затишье.

Семь лет назад я, моя мать и отец переехали из Костромы в небольшой город неподалеку от Москвы. Нам повезло с обменом. Шикарную трешку мы обменяли на двухкомнатную хрущевку, но нам завидовали. Ведь ехали в рай, где в магазинах можно купить фирменные вещи, мясо и «индейцев» — это типа солдатиков, такие маленькие пластмассовые фигурки, которые заказали мне все мои друзья в старом дворе и школе. А главное — бытовало мнение: мы едем в культурную столицу страны! Войдя в свой третий класс в новой школе, помню, как резануло... в первый же день услышал мат от сверстников, впервые получил тумаков от одноклассников и понял самое главное: теперь надо как-то отстаивать себя. Так начиналась моя новая жизнь в культурной столице страны то ли СССР, то ли СНГ, то ли России...

Мой отец родом из села Завражье, где родился знаменитый советский кинорежиссер Андрей Тарковский. Он был крещен в храме Рождества Пресвятой Богородицы, где некогда служили предки расстрелянного в 1937 известного священнослужителя Павла Флоренского. Эта церковь и с ней по соседству храм Сошествия Святого духа стояли сейчас на берегу Волги, а воздвигнуты были на слиянии рек Немды и Унжи. Таким образом, на семь километров разлилась матушка Волга при строительстве ГЭС в 60-х годах XX века, поглотив тысячи гектаров лесов и полей, рек и озер, полсела Завражье вместе с домом предков Андрея Тарковского, остановилась прямо у подножия этих двух храмов, а со временем два придела Храма Сошествия духа, висевших долгое время над водой, обвалились в Волгу. К тому времени, в 50-е годы, в храме Рождества пресвятой Богородицы успели организовать свинарник, а купола, обхватив веревка-

Журнальный вариант. Публикуется в авторской редакции.

ми, дружно всем селом свалили. За строениями никто не ухаживал и со временем они обветшали — развалины заброшенных построек без окон и дверей высились под высоким небом, как образы плечистых богатырей с отсеченными головами. Вместе с исчезнувшей в этом месте рекой Унжей в пучине разлившейся Волги навеки остался монастырь в честь Святого покровителя этой местности, преподобного Макария Унженского.

Мой отец — архитектор по профессии, проектировал в советские времена здания в Костроме. Делал он это успешно, что и послужило поводом к нашему переезду в Москву. Его заманили станцией метро, которая благополучно появилась с именем создателей на табличке, а в 1991-м проектное бюро развалилось, приказав его участникам нищенствовать, по крайней мере, такая участь постигла моего отца.

Моя мать — учительница русского языка и литературы — в 1993-м в техникуме получала зарплату, равную трем с половиной американским долларам по курсу. Жить стало не на что, но выручил нахлынувший повсеместно рынок, а мать спасла ее природная предприимчивость. Каждую субботу первой электричкой она ездил в московский магазин «Лейпциг», что на юго-западе столицы, там она, как и сотни других людей, ожидала, когда выбросят в продажу «вареные» джинсы, право на покупку которых надо было еще в этой толпе отбить, отстоять, урвать. А так как на руки давали не больше одних, то с матерью ездил и я. Так и воевали за джинсы, занимая очередь не по одному разу. А по воскресеньям уважаемый студентами учитель Ирина Михайловна перепродавала их на местном рынке нашего сотысячного городка. Так появлялись деньги на еду в нашей семье, и, как ни странно, после всех этих проблем, наша жизнь наполнилась периодическим безудержным алкогольным весельем, но стал пить не отец, а мать, продолжая при этом учительствовать и кормить семью.

Я только что почти на отлично окончил школу, и каждый день ездил электричкой на подготовительные курсы в центр Москвы — готовился поступать, по совету отца, в институт нефтехимической и газовой промышленности. «Рядом с «трубой» не пропадешь».

Путь до курсов занимал более часа, а пока за окном мелькали пейзажи и подмосковные города, я усваивал конспекты с экзаменационным материалом. Но бывали моменты, когда делать ничего не хотелось, и просто рассматривал людей, рисовал мысленные портреты, наполняя их выдуманными историями. Отец ведь тоже писал любительские картины акварелью и, видимо, по наследству передал этот дар, правда, в каком-то куцем варианте: мне довольно было воображаемого «полотна».

Вот и сейчас в электричке. Мое внимание привлекла одиноко стоявшая в тамбуре девушка. Я ее

еще на платформе заметил. Она курила и, казалось, переживала...

В этот момент в вагон вошли музыканты, и моя паутина портретной истории непроизвольно сплелась с музыкой. Мысли поплыли, увлекая все дальше и дальше: «Мне, вообще, по барабану что, как и почему я стал известным, — это я говорил девушке в тамбуре. — Просто вдруг кругом заиграла музыка, моя музыка. В кафе, в барах, на улице... Почему? Но именно ты отдала ее какому-то твоему знакомому, известному композитору. И пошло-поехало... Она заиграла. Повсюду. Я сочинял ее тебе и только для тебя...»

В вагоне бродячие музыканты пели слезливую песенку.

Не плачь, еще одна осталась ночь у нас с тобой,
Еще один раз прошепчу тебе — ты мой,
Еще один последний раз твои глаза
В мои посмотрят, и слеза
Вдруг упадет на руку мне, а завтра я
Одна останусь без тебя, но ты не плачь...

Показалось, будто сверкнула в глазах девушки слеза и покатила, переливаясь с пеленой дымка от сигареты.

Я продолжил свой портрет: «Странно, но когда я садился за рояль, ты нервно курила, и каждый раз от дымка сигареты появлялась твоя соленая слеза. А слеза не была равнодушной. Именно она не была равнодушной. Слезка катилась под музыку очень плавно. Вместе с ней начинала плакать и моя душа, переливалась алмазным небом, вместе со слезой и музыка переливалась, а иногда застывала на месте. Как солнце в зените. Тогда ты сияла радугой после дождя. Кругом капли, капли, капли... Капли — это твои слезы. Вот так. В твоей слезе — вся моя душа».

Девушка в тамбуре бросила сигарету и прикрыла глаза руками, затем откинула голову назад, и её застывшее на мгновение в печали лицо озарилось улыбкой... Что-то вспомнила? Она и этот мир жили в параллельных плоскостях. А ее слеза никуда не исчезала и медленно превращалась в зеркало, которое расплывалось, словно открывая реальность, в которую я провалился окончательно: «Вообще все началось не с этого. Я шел по дороге из музыкального, когда... тебя выбросили из машины. Эх... Выбросили. Ты была пьяна и что-там там орала. Сейчас я думаю: как в этих замалеванных глазах я увидел эту родниковую слезу? Но увидел. Ты посмотрела изумленно на меня и упала. Заснула. Я просидел рядом. Всю ночь... Потом ты проснулась, уселась, поджав коленки и долго плакала, говорила, что я ничего не понимаю, что я маленький, что все плохо... Я понял. Я увидел эту слезу, ради нее, дурак, то есть... в общем, я готов был достучаться до небес. Достучался. Теперь за окном играет моя музыка. И она не пере-

станет играть, пока катятся по щеке и в моей душе твои слезы. В них я живу, в них я пою...»

Показалось, прожил с этой девушкой всю жизнь и всем сердцем её любил, нет — люблю. Она и вправду невероятно красива. Или это так в моем выдуманном портрете? В этот момент девушка будто что-то почувствовала и посмотрела, словно стрельнула вглубь вагона... На меня. Мы встретились глазами, нарисованный портрет ожил в моем сознании и материализовался. Только руку протяни. Но... если девушка бросает на тебя взгляд, — вспомнил я предупреждения своего умного школьного друга Вахрушева, — то не потому, что ты её заинтересовал, а потому, что она понравилась тебе!

В этот момент полвагона как по команде встали со своих мест, это электричка подъехала к большой станции. Места освободились, и моя теперь уже близкая знакомая порхнула в салон-вагон, как кошка мягко села прямо напротив меня, устала в окно... Теперь мне удалось разглядеть её совсем близко: «Вроде бы чего особенного? Белокурые волосы, они, конечно, изящны, а тонкие руки, которые, кажется, сейчас вот-вот сломаются, а нос-то, ведь нос вздернутый, остренький такой. Ноги тонкие, когда ты смеешься, кажется, сейчас подломишься и рухнешь. Нет, а ноги все равно красивые, длинные и ровные. Удивительно, но, пожалуй, ноги — это то самое, за что тебя хватили на улице и потом выбрасывали из машины. Ноги и слезы. Нет, на самом деле ты просто сама естественность, все органично, все к месту. Каждое движение как движение лани среди леса — лучше «книжных» сравнений на ум ничего не приходило, но я старался: как движение облачка по небу. Облака тоже плачут. Такой же была моя музыка. Для тебя. О тебе. Если бы ты еще не курила. Вот сейчас смотрю и вижу, что ты идешь ко мне по улице. Куришь».

Я сверлил взглядом сверху донизу мою спутницу. Она, конечно, это чувствовала. Посмотрела украдкой и еще раз взглянула, улыбнулась. Надо что-то спросить, как-то познакомиться. В «картинах» своих я такой находчивый, но в реальности не решался и знал, вряд ли решусь. И в этот момент вокалист тех самых уличных музыкантов, промышлявших подаванием в электричке, — а наш вагон был головным и поэтому ребята, закончив свою слезливую песню, присели тут же, — подскочил и заговорил с девушкой как ни в чем не бывало, вот так легко и просто. Зататарорил! Это, конечно, меня огорчило, но не подал виду. Наш роман закончился, не начавшись, но только не в моей мысленной картине: «Я теперь известный, моя музыка на каждом углу, у меня появилась хорошая машина... Наверное, я тебя выкину из нее. Не за “ноги”. За слезы. Моя душа устала плакать. Моя душа устала петь». Лихо закончив внутренний монолог, с обидой отвернулся к окну, стараясь забыть про присутствие столь же лихо сладившей между собой пары напротив.

За окном проносились подмосковные города с какими-то неживыми советскими названиями, похожими друг на друга, как близнецы-братья, которые для своего времени были выражением веры — в индустриализацию, электрификацию, — в светлое будущее! Ну, кто из молодых строителей хотел тогда жить в местечке под названием «Затишье»? Даешь «Электросталь», «Электроугли», «Железнодорожный»! Полный мрак!

В электричке уже почти никого из пассажиров не осталось, еще две остановки до конечной. Против воли расслышал слова музыканта:

— Поехали, а...чего ты! В аэропорт! Там развернем карту мира, ну, купим ее по пути, закроем глаза и ткнем пальцем куда придется вот так вот, — музыкант взял руку девушки и приложил свою ладонь к ее ладони, сплел указательные пальчики и ткнул в окно, — и улетим туда, и начнем новую жизнь. Вдвоем! И будем счастливы, как никто на свете! — Парень пронзительно посмотрел в небо, так что полететь захотелось...

Монолог музыканта — не воображаемого, а реального — вонзился кинжалом! С желобком таким, для стекания крови — по рукоять! Вся моя выдуманная история показалась настолько никчемной, просто рассыпалась на глазах, что жар подкатил к щекам. Покраснел!

— То есть? — Девушка чуть ли не заикалась. — Ты шутишь? То есть ты мне предлагаешь поехать в аэропорт?! — она осмотрела вагон вокруг, будто он был полон, и все её слушали. Но реплик и всеобщего возмущения не последовало. Опустила глаза, будто еще раз обдумав, кивнула резко, давая согласие:

— Ну, хорошо, допустим! Все бросить и куда-то улететь вместе с тобой прямо сейчас!? — со странной надеждой посмотрела на музыканта. А затем, призывая в свидетели, на меня.

— Ну да! Клево же, такое только в кино бывает, а мы жизнь начнем с этого!

— А почему я? Или ты всем подряд такое предлагаешь?

— Да нет же! Утром загадал, что если вот сегодня и только сегодня кто-то понравится, улечу из этой страны вместе с ней! Навсегда!

— Ты за границу предлагаешь?!

— А куда еще? Шли с ребятами, как всегда по электричке, пели, и в каждое лицо всматривался, искал, но никто, ни одна девушка даже близко к сердцу не пришлась! И тут — ты! — сладкоголосый обаятельный парень, который прежде так жалостливо выманивал копейку под гитару, сейчас был уверен и устремлен.

— Бред! Нужны загранпаспорта. Визы!

— Все решаемо! Проверь!? Возьмем карту мира, закроем глаза, куда попадем, — он сделал жест сплетенными пальцами, — туда и полетели!

— А жить как будем?

Надо же. Неужели девушка уже в полете? Или она приняла игру? Или нет игры, а парню, в самом деле, надоело слоняться по электричкам, и решил вдруг ломануть судьбу! И вот сейчас это и происходит?! — Комментировал я в своих мыслях ситуацию.

— Я музыкант, посмотри на меня, ты меня слышала? Не пропадем, — парень вскочил и присел, — буду петь, мир завоюем...

— А и полетели! — неожиданно встала девушка и потащила со всей страстью, даже испуганностью, парнишку за руку.

Его друзья, наблюдавшие за этой картиной неподалеку, засмеялись...

— Да ладно, ладно. Че ты?! Не так сразу! — парень вдруг вцепился в сиденье.

— В смысле?! Так летим?!

— Пойдем для начала просто к нам, поболтаем, — вырвал руку. Привстал, повернулся и поклонился, срывая аплодисменты своих друзей.

— На спор, что ли? Оригинально! Да пошел ты! — Девушка толкнула парня и села на место, уставилась в окно.

И опять — эта мучающая слеза...

Солист музыкальной группы встал, посмотрел на нее уже без всякой позы:

— Будь проще. Это тебе урок. Тренинг, так сказать. Чтоб рот не разевала. Мир? — Протянул он руку и тут же получил воображаемый плевков в ладонь.

Но девушка лишь демонстративно устала в окно, ноль внимания на парня.

— Дура! Если тебя кто и обидел, то явно не я. Подумай! — Музыкант еще постоял молча, затем двинулся к своим, поднял руки, поднял, как это делают звезды эстрады, и еще раз сорвал аплодисменты.

Его группа балдела!

Я позавидовал ему, вот так взять и подойти, и позвать так оригинально... А потом кинуть... Все, как в моем портрете. Почувствовал, как теперь моя спутница нагло сверлила меня взглядом. Так, что пришлось прятать свои глаза. Смотрела так, будто это я только что её обломал! Наверное, сделала вывод: все вы мужики — сволочи. Но я-то точно не такой!

— А ты бы полетел? — Услышал я вопрос девушки.

— Что? Вы мне?

— Тебе!

— Я?! — От испуга отрицательно махнул головой.

Потом подумал, а отчего я не могу быть таким вот, как этот музыкант? Легким, игривым... А пойду-ка я до конца, чего тушуюсь? И произнес еле слышно.

— С вами бы полетел...

— Вперед! — Не церемонясь, спутница встала и пошла. — Секунду помедлив, провожая взглядом, но решение принято — я в игре! Вскочил и догнал.

— Ты на выход?

— Да!

— Только аэропорт в другую сторону, и денег с собой у меня нет, — хотя денег не было и дома, их во-

обще не было, не то что на полеты «за рубеж» или на шмотки, даже на еду! Это еще хорошо, сегодня контролеров нет. Пришлось бы бегать.

— На такси доедем, пешком дойдем, разве можно счастье остановить? — Иронизировала незнакомка. — Как считаешь? — Закурила в тамбуре.

Электричка подъезжала к станции. Я молчал.

— Ну что-о ты!? Едешь? Не ло-ома-айся, вперед! — Вкрадчиво, будто котеночку, сказала, подошла, обняла... И тут же отпрянула, глянув внутрь вагона. А там музыкант... Наблюдал восхищенно! Это меня обидело.

Электричка притормозила, двери открылись. Девушка сошла. Москва была следующей. Ведь мне на курсы! Что я делаю?! Опоздаю!

— Летишь? — Она посмотрела в сторону музыкантов, которые выглядывали из окна электрички, ожидая развязки. — Нет!? — Заскочила обратно в вагон и выскочила, нарочно споткнувшись, упала...

Я оказался на платформе, помогая встать, двери захлопнулись. Моя спутница захохотала, электричка покатила, музыкант показал ей большой палец.

— Дело сделано, молодец! — Крикнул напоследок выродок. Довольная девушка, провожая музыкантов, высунула им напоследок язык, повернулась ко мне.

— Чего ты выскочил, аэропорта тут нет, да и до такси далеко, — отряхивалась девушка.

Я огляделся. Это была какая-то пустынная станция с кучей путей и товарных вагонов.

— Когда там следующая электричка, не в курсе? — Будто говорила сквозь меня девушка. — Хотя, я, пожалуй, уже никуда не поеду, то есть поеду, но обратно. Что-то настроение совсем ни к черту!

— А были варианты? Не выскочил бы, подумала бы трус. — Я отыгрывал свою роль. — Ты же довольна!?

— А-а, значит, не из-за меня выскочил. Все с тобой понятно, — двинулась к переходу на другую платформу.

— Дура, и есть дура! — Крикнул вслед.

— Что?! И ты туда же?! — Не ожидала, глаза её забегали, как у сумасшедшей.

Где-то далеко внутри осознавал, что флиртую, а она просто обиделась на того парня, а теперь и на меня. Теперь, наверное, хотела мне еще больше досадить. Я сдался.

— Пошутил. Может, завтра в кино ходим? В ДК?

— Пошути-ил!? — Призадумалась, закатила глаза и сложила руки, манерничала, а затем изменила позу, уткнув указательный палец правой руки в щеку, будто спрашивала кого-то во рту. — Ну, хорошо, дура так дура, давай сходи в кино с дурой, но... но только в субботу на последний сеанс. Мы же с тобой из одного города? Все, пока! — Убежала вниз по ступенькам перехода.

В субботу я встал очень рано, чтобы приготовить одежду для свидания. Понял, из приличных у меня только единственные штаны. Съездил на подготовительные в Москву, по субботам они начинались чуть раньше, а когда возвращался домой, то так торопился, что задел ротвейлера, который резко сорвался с поводка и вцепился мне в ногу, прокусив мои единственные те самые приличные штаны. Но это еще бы ничего: собака с такой злостью потащила штанину на себя, что разодрала её в клочья.

Дома обыскал все шкафы, перемерил всю одежду отца, но ничего путного. Что делать? Начал рыскать среди вещей матери. Наткнулся на её трико от нового спортивного костюма, который она недавно приобрела. Надел его. В зеркале это красное хлопчатобумажное чудо смотрелось, вроде, прилично. Но одна беда, оно еле закрывало низ живота, ведь рост матери 164, а я значительно выше. Попробовал опустить поверх штанов футболку и вот, все стало на свои места. Примерил туфли для выпускного — вроде нормально. Кроссовки имелись из китайского кожзама, но смотрелись совсем уж дешево. Благо мода была на моей стороне, и именно такие туфли носили многие подростки со спортивными вещами — саламандры назывались. А зимой писком считался турецкий свитер с орлом по центру, заправленный в брюки. Так пацаны, кто покруче в школе, и ходили на уроки.

Отлично. Первое мое свидание в жизни с девушкой было близко к провалу, но теперь ликовал.

Около ДК, как минимум три раза в неделю, собирались ребята примерно моего возраста. Самые крутые одевались в престижные и дорогие «найковские» и «пумовские» спортивные костюмы одинакового цвета и фасона, а также имели навороченные цветастые «адидасовские» кроссовки, ну, а остальные — в макасилах.

Ребята тусовались в ожидании начала городской дискотеки. Я попытался обогнуть это место, как это было возможно, стороной. Разные слухи ходили в городе про то, что там творилось. То драка, то убили, то стреляли... Это было место, где собирались отвязанные пацаны со всего города, так называемые хулиганы и лидеры своих районов. Простым ребятам туда путь был заказан. Но самые красивые девушки там появлялись тоже с удовольствием. Танцы есть танцы, да и эти парни, видимо, в их понимании являлись настоящими ковбоями, лихие герои своего времени. А все мои друзья — это так называемые ботаники, увлеченные авиамоделизмом, шахматами, наукой... Хотя мы с моим другом Вахрушевым обзавелись собственной фонотекой, следили за музыкальной модой, и нам также хотелось послушать музыку, потанцевать и потусоваться со сверстниками. А для этого надо было побыстрее поступить в инсти-

тут, где учились такие же, как и мы, но там формировалась своя студенческая жизнь, организовывались институтские дискотеки, в нашем городе подобного было не заполучить.

С обратной стороны Дома культуры находился кинотеатр. Туда я осторожно прошел и встал около касс в ожидании девушки из электрички, которой не спросил даже имя. Народу немного, хотя на всех экранах страны шел популярный индийский фильм. «Незнакомки», назначившей мне свидание, все не было.

Загрохотала музыка за углом, значит, танцы начались. Со стороны дискотеки появилось несколько ребят с сигаретами в зубах. Они раскованно хохотали, глотая поочередно ликер, по форме бутылки, кажется, Амаретто. Скорее всего, скрывались таким образом от глаз милиции, которая ранее проехала мимо и остановилась с другой стороны ДК, аккуратно напротив входа на дискотеку. Так было почти всегда.

Вечер, лето, тепло, но эти ребята тусовались в клубных куртках, будто рэпперы — меня аж зависть охватила, такой куртки мне в жизнь не достать. Наблюдал за ними аккуратно, стараясь не привлекать внимания. Что интересно, двигались некоторые из них так, будто непроизвольно соответствовали рэперскому статусу. Вряд ли, думаю, когда сами рэпперов видели, и что-либо знали о них, за исключением групп «Мальчишник» и «Кармен», которые также появлялись в клипах в подобной одежде, но это ж звезды.

«Последний раз ты со мной, последний раз я твой, последний раз слёзы из глаз». «Дышь, ты дышь...», — ходил периодически кругами и повторял, размахивая рукой, один из белобрых ребят в этой компании. Уши торчком, улыбка, как у Гуимплена, имидж есть имидж. Кстати, даже ни разу не видел, чтобы подобные клубные куртки вообще где-то продавали, наверное, только в дорогих магазинах фирменной одежды, а их стоимость там заоблачная. Неужели у них родители такие богатые, а если нет, то где они вообще деньги на это зарабатывают?

Один из парней показался мне знакомым. Где-то я его видел! Поймав его пристальный взгляд, отвернулся, чтобы не привлечь к себе лишнее внимание. Долго перебирая образы в своей памяти, наконец, отчетливо всплыли черты этого мальчишки, улыбочивого кучерявого парня. Понял, почему не сразу узнал его, просто это лицо повзрослело. Мы с ним познакомились в детстве и даже немного дружили по секции дзюдо. Точно — чернявый еврейчик. Вернее, его отец по национальности еврей, об этом слухи среди мальчишек распространялись быстро. Это было понятно и по его причудливому имени — Леви Монеткин. Фамилия сразу запомнилась. Тогда о человеке, что он еврей, звучало как-то даже отрицательно. Могли так и обозвать. Пару лет мы где-то в

4—5 классе вместе ездили на соревнования по московской области, а потом он перестал ходить на дзюдо. Больше мы не виделись. Он ездил на секцию с другого конца города, а я тогда жил рядом.

Оглянувшись, вновь встретился с Леви взглядом, нарочно отвернулся, отметив, что лицо его было хоть и чернявое, будто бы кавказца, но такое же, как и раньше, милое, детское, лицо того же самого пухленького ребенка из секции, ни капли не изменилось. А сам он построил, вытянулся.

Моей девушки все не было, ребята за спиной веселились. Наверное, я завидовал в данный момент Леви, вновь начал рисовать в своем воображении психологический портрет-историю, оправдывая тем самым свое положение. Сначала красиво определил девушку из тамбура, а сейчас наступило время и для Леви: «Ты мне говоришь: «Я лучше умру в 25, но буду жить, как хочу, делать, что хочу... Если трахаться, то кого хочу и без презерватива... Если пить — так пить до упаду, курить — так курить, колоться, нюхать, гулять, кричать, одеваться как угодно... Один раз живем! Короче, эти 25 — как для тебя 1000, которую ты не проживешь, — повторяешь ты мне, — и ничего в памяти твоей не останется. А я... Я... Я буду свободным...»

Мой полет мыслей неожиданно прервался, почувствовал руку на своем плече. Она? Нет! Это была не она.

— Привет, братишка, — уперся я головой чуть ли не в грудь высокому парню. Поднял голову, Леви стоял передо мной. Высоченный!

— Помнишь меня? — Я машинально махнул головой в ответ. Леви улыбнулся довольный. — Как сам? Мы с тобой в дзюдо когда-то вместе занимались. — Не мог я поверить, некогда мелкий пухляк сейчас стоял ростом на голову выше. Оглядел его сверху донизу. Ноги какие-то у него неестественно длинные, а тело короткое.

— Привет, Леви, помню. — Услышав свое имя «еврейчик» еще больше засиял.

— Молото-ок... бродяга-а... рад видеть! — С пафосом обозначил брутальный удар кулаком мне в грудь, — на дискотеку пришел?

— Неа.

— А чего здесь? — Сеанс в кино как раз уже начался.

— В кино, сейчас уже пойду, просто жду кое-кого, — промолчал я про отсутствующую подругу.

— Девушку, что ли? — Я махнул головой.

— А-а, — он огляделся вокруг: и близко никого, площадь совсем опустела, — по ходу, прокатила тебя она, братишка, — захохотал, — не расстраивайся.

Леви длинной рукой, словно мяч из баскетбольного кольца, выхватил у одного из ребят «Амаретто» и протянул его мне, при этом фыркнул, сверкнув зубами, один из которых был сломан, этим отсекал от лишних вопросов обернувшихся от неожиданности своих блатных уличных друзей.

Поймав кучу диких взглядов парней, я продолжил рисовать в моей голове вихрь воображаемого полотна жизни: «Вот она — свобода. Свобода. Я слушаю его, и хочется мне побежать за ним. Пойти. Это так легко... Прожить 25. 100 намного труднее и не факт, что завтра машина не задавит. Или не застрелит вот такой же, который живет 25. Но я не могу. Слишком люблю жизнь. Нет, вернее, корни во мне сильные, будь они неладны. Тянут к земле, заставляют любить её, жить во имя нее, смотреть и радоваться небу, речке, деревцу, жить во имя будущих моих корней, росточков-детюшек. Я сижу, читаю дома книги, чувствую, нет, знаю, что он не прав. А так хочется перетрахать весь мир! Всех самых красивых девчонок. Иметь их, иметь весь мир в одном месте. Накуриться, упиться, угнать дорогое авто и разбить с истерическим смехом его в хлам. Каждый день — как последний. Каждый день — как целая жизнь».

Очнулся на секунду, Леви махал «Амаретто» перед носом, но я его не слышал, оставаясь при этом в двух параллельных мирах или даже трех. Но сам того от себя не ожидая, будто бывалый, выхватил из рук Леви алкогольный напиток и сделал большой глоток свободы... Получилось, конечно, не очень, так как захлебнулся и закашлялся, а половина пролилась. Тут же покосился на ребят, но, как ни странно, никто не обратил на это внимание. Леви был уже среди них, прикуривал у самого лопоухого обрывок сигары. Когда-то все в первый раз, а это был первый глоток алкоголя в моей жизни, кроме пива. Перед носом замаячила сигара, которую по кругу растягивали ребята, но в этот раз отказался, мол, не курю. И вот тут все почему-то заржали.

— При чем тут сигареты, это для вкуса, попробуй, — замывшись, затынулся и даже не кашлянул.

— Кстати, я после дзюдо баскетболом занялся, до сих пор за сборную своей школы иногда играю. — Леви задумался, — хотя жалею, что дзюдо пришлось бросить, тогда просто батя от нас с матерью ушел. А ты как? Занимаешься еще, какие успехи?

Я отрицательно махнул головой.

— Зря, а чего?

— Да как-то... — не знал, что и сказать.

Леви взял сигару и затынулся, размышляя о чем-то. Постоял еще несколько секунд, посмотрел мне в глаза, улыбнулся, но разговаривать было не чем.

— В кино ты опоздал, брат, девушки, по ходу, нет и не будет. Может, с нами? На танцы, там поболтаем, чего здесь торчать, — «Амаретто» закончилось.

— Не... Завтра в институт, — толпа хором засмеялась.

— Мы тоже все к экзамену готовимся! По литературному! — Белобрысый ушастик затынулся сигарой.

Ребята отправились в сторону дискотеки, оставив на ступеньках одинокую пустую бутылку «Амаретто». Я смотрел с сочувствием на исчезающую за углом компанию и опять поймал взгляд Леви, кото-

рый остановился, махнул мне рукой и последний за-вернул за угол: «Я доживу до ста, я прочитаю тысячи книг, я напишу про твои 25, мое 100-летнее дерево даст множество плодов, и мой дух еще будет тлеть тысячу лет, потому что... станет свободным. Дух станет свободным — не тело. Дух не может умереть». — Так закончил я свою картину мира, связанную с Леви Монеткиным. Посмотрел на часы: 21.30. Моей знакомой не было. Эх... жаль! Мысли вертелись, не давали покоя. Осенила концовка: «И только в 100-летнем возрасте, закрывая в последний раз веки, я единственный вспомню о тебе... И ты прав: ничего, действительно, в памяти за эти 100 моих лет не останется. Умрет вместе с материей. Как и твоих 25».

Пустынная площадь, как после «ста лет одиночества», всплыла метафора Маркеса в моем сознании. Никого, и я один во всем мире. Но музыка еще сильнее загрохотала за углом, быстро вернула меня в реальность. Фильм шел уже больше 30 минут, последняя работающая касса кинотеатра закрылась. Все. Облом. Этого и стоило ждать. Ведь дураку понятно, начал укорять себя, ведь при таких обстоятельствах реальные свидания не назначаются, еще эта история с поездкой в аэропорт, все говорило о блефе, она изначально не собиралась никуда приходить и чего только, как дурак, приперся.

Мимо проскочила милицейская машина, та самая, что дежурила около дискотеки. Для собственной безопасности стоило самому быстрее двигаться домой, что-то подсказывало мне. И не зря! Пройдя к дороге, увидел, как около входа на дискотеку компания швыряла какого-то несчастного парня. Помоему, среди них был и Леви. Но разглядывать не стал, стоило побыстрее ретироваться. Это не мое дело и меня не касается, успокоил себя.

Осталось только перейти дорогу, и там уже вне зоны видимости, остановка, автобус — и дома. Метрах в пятнадцати от меня резко тормознул большущий джип, оформленный свадебными ленточками. В советских-то марках машин не особо разбирался, тем более в иномарках. Дверь лихо открылась, и оттуда буквально вышвырнули, — то есть девушка была пьяна и пыталась выйти, но ее изнутри подтолкнули так, что она аккуратно полетела вперед в траву! Я замер, не зная, как быть. Девушка встала, поправляя перетянутую через тело ленту с надписью «Свидетельница». Джип тут же тронулся с места с визгом. Это была она. Я не сразу ее узнал. Да, это была она! Девушка посмотрела на меня, будто даже не узнала, села на тротуар, зажала голову и, видимо, заплакала... Я остолбенел: там, в электричке, пока она курила в тамбуре, мне представилась примерно та же картина, какая сейчас была в реальности. Почти та же! Только теперь надо было что-то делать. Решить: ретироваться — вроде она то ли не разглядела меня, то ли не узнала, и смотрела как-то сквозь... Или подойти? У нас же вроде как свидание. Но вряд ли она ехала ра-

ди него? Свалить, и концы в воду! Все происходило будто не со мной, точнее, со мной, только я был в чьей-то будто воображаемой картине. Раздвоился, и вижу себя и девушку со стороны. И отсюда, изнутри, вижу того, в сторонке. Наверное, решил, все же тут я не к месту и, если подойду, только введу девушку в смущение тем, что видел ее позор. Двинулся через дорогу и, дойдя до середины, резко повернул в её сторону. Да и что, что видел?! А там, в электричке, разве не позорил ее музыкант, которому я мысленно плюнул на руку, а надо было — в лицо, и не мысленно! Все обойдется, подойду, узнаю, в порядке ли она? А то как-то получается, что струсил. Спрошу и пойду своей дорогой. Может, она все сделала специально? Никто ее не выкидывал из машины, а все это просто розыгрыш? Проверяет и ждет, брошусь ли на помощь? Да блеф же?! Это уже слишком! Глупость! Дурак, дурак, дурак!!! На фига я ей сдался? Краем глаза заметил, как компания около клуба тоже двинулась к дороге. Черт, черт, черт!.. Пойду. Но я же не до такой степени трус, чтобы оставить вот так девушку, и на глаза у крутых парней драпануть. Нет, ни за что!

Сидела она заплаканная, разглядел, отчего стала еще красивее и милее, вновь оценил стройную её фигуру и шикарные ножки. А все же эффектный был полет из машины, в этом шикарном платье, с этой смешной лентой «свидетельница» — он смотрелся просто сногшибательно, иронизировал я, таким образом подбадривая себя. Хотелось просто её прижать, как котенка, пожалеть, обнять... Только чтобы это было где-то в пустыне, а не посередине города. И так и замереть лет на пять, обнявшись.

Дорога была оживленной, пропуская машины, успел достичь цели раньше компании, подхватил девушку, приподнял... Она взглянула на меня замалеванными глазами и сквозь слезы, пьяная, улыбнулась. Все, как из моей картины жизни, нарисованной в электричке. Так не бывает. А вот и бывает.

— Ты? Что тут делаешь? — Упала на плечи, обняла крепко-крепко, положила голову и продолжила плакать, сладко облизывая разбитую губу.

— Так, мимо шел, — по ходу, она вообще забыла о нашей встрече, и для нее мы, действительно, случайно встретились в такой странной обстановке. Мог и не подходить.

— Представляешь, он хотел, чтобы я с ним переспала, и избил меня, — тут подоспела компания и расслышала последние слова девушки. Среди них оказался Леви.

— Это Божен, что ли, вроде его машина?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Врешь!

— Правда, не знаю, чья это машина.

— А бил-то Божен?

— Не помню имя, он свидетель!

— «Свидетель»?! — Воскликнул, ухахатываясь, ушастый парнишка. — Да! Он меня бил, но по делу,

идет как свидетель, в таком качестве его и оставьте, — почему-то это было смешно и другим.

— Ну да, он свидетель, а я свидетельница на свадьбе.

— А! Точно! Так он и есть свидетель! Божен! Мне Муха чего-то такое рассказывал, вспомнил. Получается, у них сегодня, что ли, свадьба? Капа же женится! — В глаза сильно бросались его неестественно оттопыренные уши. Будто их сломали.

— Эту девушку ты в кино ждал? — спросил Леви.

— Её.

— А она в это время на свадьбе, получается, заиграла без тебя, что её чуть не трахнули?

— А, может, и трахнули?! — Вновь с ехидцей режумировал парнишка со смешными ушами.

— Нет! Никто меня не... тра... То есть это — полный бред. Все, что тут происходит, полный бред. Я только хотела пойти в кино с ним. Ведь, правда? — Вновь обняла меня и повисла. — Мы в электричке познакомились и договорились сегодня пойти в кино. Вот и я пришла. Специально, между прочим, пораньше со свадьбы моей лучшей подруги свалила. — С чего такая нежность, ведь мы даже, считай, не знакомы, но все же с упоением слушал её пьяный голос, значит, все она помнила. — Я просто попросила подвести свидетеля сюда. — Тут ушастый парнишка вновь захохотал, а остальные подхватили. — Ну, чего вы смеетесь. Он в машине стал приставать. Сначала, правда, предложил встречаться... Я в отказ, я, может, была бы и не против, но в другой обстановке и, ну, ведь все не так быстро. Тем более, я вот в кино иду, — вновь обняла меня. — А он что-то стал говорить, будто все девушки города об этом мечтают, но мне-то пофиг! — Притопнула ногой, как полная дурочка. — Мне пофиг на это, я его не знаю, подумаешь, машина крутая. А он сразу полез ко мне...

— Может, милицию вызвать? — Наконец, я решил что-то сказать.

Пацаны переглянулись подозрительно, затем вновь рассмеялись.

— Не надо! Ничего ж не было, — успокоил Леви, — так она твоя девушка? — Переспросил.

— Конечно, его, иначе зачем я сюда поехала? — Вот так да, дурочка, типа пьяная-пьяная, а, по ходу, схитрила сообразительно. Но это еще было по электричке заметно: смысленая!

Все пацаны, как по команде, посмотрели на меня, ожидая подтверждения. И глаз не отводили. Я даже рассмеялся.

— Да, — неуверенно произнес, приглушая свой же смех, посмотрел на нее, имя которой не знал, да и она не в курсе, как меня зовут. Вот же девушка! Ей достаточно взгляда: она будто украдкой, виновато посмотрела на меня, вот такой была бы всегда по жизни во всех ситуациях — беззащитный котенок!

— Шикарно! — одобрительно закивал Леви: — Но и попал ты, дружище. — Мусора тут не вариант.

— Да и вообще мусора никогда не вариант! — Ушастик закрепил суждение. Интересно, наверное, у него есть точно кличка и эта кличка либо Ушастый, либо Лопух.

— Там у них все схвачено. — Заговорил, будто со стороны, низенький парнишка. — В смысле, не у мусоров, а у Божена, Капы и их бригады в мусарне. Юрик там еще у них, Золотой, Медведь, короче, там хватает пацанов. Зяма, Мамука...

— Вова! — засмеялся Леви, — Зяма, вообще-то, не пацан, а девчонка!

— Без разницы! А еще с ними — Юстюрковский!

— Серега! — подхватил ушастик, обращаясь к тому же мальцу, которого Монеткин называл «Вова», — Юстюрковский — вор в законе!

— Проще говоря, в городе все под ними, — подытожил Леви.

Обратился он к тому же мальцу, которого лопухий называл Серегой.

Мне это ни о чем не говорило, одно я знал точно! Даже обладание «жигулями» шестой модели считалось богатством, все ходили пешком, а уж наличие иномарки любого года и качества — просто шик. Двухкомнатная хрущевка в нашем городке равнялась стоимости подержанной обычной иномарки. А тут — дорогуший джип! А ведь эти парни, я так понял, моего примерно возраста, да и какая разница. Откуда?! Это, конечно, говорило только об одном, люди там непростые. Да еще слово «Капа» резануло. Слышал кличку Капа, как ни странно, от матери. Она рассказывала о нем даже восторженно. Характеризовала Капу как очень молодого паренька, лет пятнадцати, что меня больше всего удивило, который держит рынок, где матушка торгует, но, узнав, что моя мать учительница, он благородно от платы ее освободил. Года два назад она говорила об этом, значит, сейчас этому Капе не больше 17, пусть 18, и он женится?! Также она поясняла, что у Капы отец — очень крутой авторитет еще с советских времен, когда, чтобы в криминальном мире положения добиться, нужно было серьезные сроки отмотать и строго соблюдать «понятия». Поэтому сын его — «бригадир». И в бригаде у него парни постарше. Учительница литературы прошла на рынке свои университеты. А Божен, который бил мою знакомую, выходит, лучший друг «сановного» сынка — кого еще делают свидетелем!

— Ну, ладно, ты извини, что все так вышло, я пойду, в кино мы все равно не попали, — словно очнулась и протрезвела моя незнакомка. Посмотрела на меня большущими глазами маленького ребенка, искренне, доверчиво, с таким теплом и чистотой, будто с иконы сошла. Поплелась.

— Я провожу, — крикнул вслед.

— Спасибо, — оживилась, обернувшись. Это была не та обиженная и дерзкая девушка из электрички. Другая.

— Это че? Вот так твою девушку избили и нормально себя чувствуешь?! Типа ладно?! — Выделился вновь из ватаги ребят тот самый ушастый парнишка.

— Шут, хорош, ничего такого не произошло, — попытался сгладить Леви.

Шут?! Вот это да, хотя в целом, если посмотреть, то, конечно, шут, впервые слышал такое прозвище. Позднее узнал, что, оказывается, у него фамилия Шуткин, а имя Максим. Макс Шуткин.

— Все нормально. Я в полном порядке, — закусила губу незнакомка.

— А чего он делает? Это ж Божен! — Подхватил пацанчик Вова, которого называли и Серый: как впоследствии выяснилось, это был лучший друг Леви Монеткина: Сергей Вовченко. Хоть и мал, а голос свой в компании он имел.

— Против Божена, а за ним сам Капа — пас, — послышалось с «задних рядов» от кого-то, что меня успокоило, хотя я не понимал, какие мои действия могут быть? Эпизод в прошлом, ничего уж такого не произошло. Да и если бы действительно это была моя девушка! Какая она моя?!

— Да пофиг! — Не унимался Ушастый, то есть Шут. — Вот я бы...

— Что бы ты сделал? — Парировал Леви. — Ну что?

— Моня. Сделал бы! Спорнем?!

— Да ну тебя, заливаешь, как всегда, — получилось, заступался Леви Монеткин.

— Хотя? В принципе... Ну, если так рассуждать, по-умному, ну, гипотетически, — умничал ушастый парнишка, — то, конечно, шлюха есть шлюха, какой с неё спрос, а тем более с её парня, поделился и ладно, это я если чего, не об этом конкретном случае, — но ватага прочуяла посыл, поддержала смехом.

Появился отличный момент, чтобы свалить. Ситуация переросла хоть и в обидную, но в забавную шутку. Напряжение спало, да и ерничал зацеписто этот ушастик. Я неожиданно приобнял девушку и пошел от компании, будто решаю свои вопросы. А Шут не унимался, крикнул вдогонку:

— Ты лучше расспроси её понастойчивее, чего она на самом деле делала в машине. Может, Божен вообще не при делах! Знаю я этих баб!

— Нет! — Девушка оставила меня, вернулась, чтобы все высказать. Снова дерзкая и живая. — Я свидетельница! Понял! — Поправила ленту, — а у моей лучшей подруги, со школы, вот у нее сегодня свадьба, она за друга этого вашего Божена замуж вышла... А в машине он меня чуть не изнасиловал...

— Так все-таки изнасиловал?! Так бы сразу и сказала, вопросов бы не было, разве что к твоему парню.

— А мне сюда надо было, мы договорились вот с ним, — посмотрела на меня, но имя мое не знала, запнулась...

— С кем с ним?

— Вот с ним, — подошла ко мне, — договорились в кино пойти! Все понятно теперь!

— А кто он тебе?

— А этот придурок сам напросился подвезти...

— И он тебя ударил? — перебил Леви.

— Ну да! — Что-то я запуталась. — Не он, — показала на меня, — а вот тот, из машины.

— Больно?

— Ну как. Вот здесь болит. И здесь, — показала на грудь. — Синяки точно будут. У меня кожа нежная.

— Ха! Вот это новость. Считай, тебя ударил, — ткнул пальцем в меня ушастик Шут, — даже хуже, бабу твою чуть не поимел! Что и требовалось доказать. — Смотрел, не отрываясь, диким наглым взглядом прямо мне в глаза.

Шут был крепко сбитым: лицом — пацан, а телом — мужик. Вот ведь выпивает, курит, а, видно, спортом занимается. Каким видом?

— Не гони, Шут. Ты сам можешь бабу так лупануть, что мама не горюй.

— Так я шлюх, а сам-то... И вообще, при чем здесь это, Монета. Если бы на мою бабу хоть кто посмотрел, убил бы.

— Ребят, давайте я сам решу, что мне делать и как, — понял я, что пора подать голос.

Макс обезумел, начав сокращать расстояние, сверлил взглядом, так он приблизился ко мне на расстояние носа, что его уши перекрыли мне весь обзор. Создалось ощущение приближающейся махаловки. Но из-за чего?

— Че тут встали?! — Подбежал совсем маленький шкет со стороны ДК, — там две классные такие девачки пришли, первый раз их тут вижу, забираем, пока никто не добрался? Макс, Моня, Вова? — Назвал шкет только эти три клички, обладатели которых в основном и подвали голос, где Леви Монеткин — некий арбитр.

— Seriously? — Леви оживился, посмотрел на часы. Дискотека до одиннадцати, время поджимало. — Шут, хорош тут петушиться, отстань от пацана.

— Сам ты петух, да нужен он мне! — Ответил, не сводя при этом с меня взгляд и не отступая ни на йоту.

— Пойдем, пора, — позвала меня моя девушка, дернув за рукав, видимо, выручала.

— До хорош уже, — дернул Леви Шуткина за плечо. Некогда! Слышал бабы там новенькие, клевые... — Но Шут только скинул жестко руку друга и сверлил меня, заснул руки в карманы, расправил крепкие плечи и начал наступать так, что я попятился, ожидая удар.

— Такие ножки у них, — оживился шкет.

— Короче, давай, Георгий, — протянул мне руку Леви, — завтра подваливай сюда к восьми, обсудим все это. Может, поможем как-нибудь...

— Завтра же днюха у Кулия! — Шуткин оторвался от меня, как ни в чем не бывало.

— А, точно, давай в понедельник. В это же время!

— Еще в институте в Москве буду, — я вообще не понимал, к чему все это, какая еще встреча, что за повод, но не спорил, рад был, что ребята спешат уходить и все закончится.

— Где? — Опять заржал Максим Шуткин, — в Кремле учишься? — Ребята, не переставая, гоготали.

— Хорэ, Шут, давай до среды отложим, как раз там дискотека... Гоги, мы тут с восьми вечера, короче, найдешь нас. — Заключил Моня. Ну, вот и мне моментом дали кличку.

— Пока, Гоги! Тока точно тут! — Шуткин протянул свою пятерню, резко подобрев, продолжая глядеть в мои глаза до тех пор, пока я не пожал ему руку, наконец, попятился назад, не отводя свой взгляд, наткнулся на бордюр, чуть не упал.

— Мафиози хренов, — рассмеялся Леви Монеткин. Шут с обидой развернулся, снова засунул руки в карманы, двинул в сторону ДК. За ним последовали остальные.

Я шел молча, провожая, как оказалось, Валерию. Леру! До самого подъезда мы не проронили ни слова. Так, пряча глаза, и расстались. Домашний телефончик Лера не оставила, а я и не спросил. Казалось, что опростоволосился, поэтому побоялся это сделать: уверен был, что откажет.

— Спасибо тебе, — сказала Лера напоследок и исчезла в темноте подъезда.

И, слава богу! Все закончилось, этот кошмарный вечер стал историей. Побегал радостный домой. Всё! Проехали и забыли! На встречу не пойду. Ну эту Леру нафиг. Мне нужна домашняя и тихая...

Но не тут-то было. В понедельник с утра мчался на электричке в институт в новую жизнь.

— Привет, ты снова тут? Следишь? — Услышал знакомый голос. Лера, черт возьми. А, может, и обрадовался. Во всяком случае, не подал виду.

Толпа людей цепочкой переходила из одного вагона в другой, следуя, таким образом, далее, в конец электрички. Причем не только молодые, но, часто, и старухи с сумками. Так спасались от контролеров. Среди зайцев была и Лера. Впрочем, и я. Но как-то афишировать это перед девушкой не хотелось. Решил, пусть она идет, а я, типа с билетом, дождусь контролеров, ну и побеседую с ними на тему: «Забыл деньги дома». Может, простят, а если даже потребуют сойти, то отправлюсь вдоль электрички и попытаюсь не встретиться с Лерой. Но Лера подседа на освободившееся рядом место, пульнувшего вдоль вагона очередного «зайца», который, знать, «нюхом» прочуял приближающихся контролеров, хотя, по моим подсчетам, они пока шерстили предыдущие вагоны.

— Я? Не! Я же в институт на подготовительные к вступительным ездю, — и тут дошло до меня позапоздало, ведь это она флиртует, ну, и я не против поддержать такое положение. — Хотя да, раскусила! По хо-

ду, за тобой присматриваю. Кстати, мне за это хорошо платят.

— Seriously? Кто ж это? — кажется, она и впрямь купилась на мою шутку. Знать есть кому следить!

— Какой-то грузин, — чуть не рассмеялся.

— Так, подожди, дай вспомнить всех грузин, кого я знаю. Наверное, Гиви? Или Мамука? Нет, Гоги? Вахо? Не он? Кто же? — Я изумленно молчал и получил: — Слушай, дарагой, раз такой богатый, дэнги тебе платят, а ты за меня штраф запалати, а дарагой? А то, понымаешь, хоть я и студэнтка, дэнги даже на льготный билет нэт.

— Ты тоже учишься?

— А по-твоему, я в электричках от нечего делать брожу?

— Да нет! Интересно просто, а где?

— В кульке, на режиссера ТВ. С прошлого года там ввели эту специальность. Сейчас сессия! — Удивила в очередной раз меня эта девушка.

В вагон прошли контролеры. Лера вскочила, собираясь свинтить.

— Ты с билетом?

Я машинально махнул утвердительно головой, затем отрицательно, затем вновь утвердительно.

— Блин, я не успел, электричка подошла...

— Понятно! Гиви пожадничал?!

— Что?

— Погнали, что! — Двинулась в следующий вагон, я следом. Как раз приближалась остановка.

Электричка остановилась, двери открылись, и вся внушительная толпа зайцев, как по команде, вывалила на платформу, расталкивая друг друга, напоминая больше не «косых», а стадо кабанов, которое ломанулось обегать выгоны с контролерами, сбивая нещадно на своем пути встречных пассажиров... Важно было успеть заскочить обратно в электричку. Это удалось не всем, так как станция была маленькая, и остановка длилась секунды, а машинист был не дед Мазай, а садист какой-то — так и виделось, как он злобно хохочет, оставляя несчастных зайцев ради собственного удовольствия на узкой полоске бетонной платформы. Мы с Лерой оказались в числе кабанов: вскочили в тамбур в последнее мгновение. Счастливые, встретились глазами. Глубоко дыша, упали спинами на захлопнувшиеся за нами створки двери, и рассмеялись.

Лера хохотала... Её лицо сегодня было без капли косметики: и зачем она мазалась в иные дни? При светлых волосах, брови и ресницы темные, четко очерченные. Губы тоже, лук такой с тетивой, спортивный, с двумя верхними полудугами. Лицо все — капля родниковая, в которой играет свет. Короче, прекрасная, как в сказке! Трафаретные выражения — они, увы, самые точные! Писатели стараются говорить особенно, но, сколько ни сравнивай нос с клубничкой, люди все равно скажут — нос картошкой! Поэтому политики говорят трафаретно.

Итак, добрая фея из сказки! Совершенно другая девушка посматривала на меня робко, вновь и вновь прятала виновато глазки в пол. Прелесть. Я же ликовал, любуясь столь очаровательным созданием! И благодарил обстоятельства. Котенок из мечты. Мы сидели друг против друга, почему-то опять молчали, поглядывая скромно то в окно, то друг на друга, боясь упустить это ускользящее мгновение заячьего счастья! Пройдет оно, а что дальше? В итоге я, как очень ответственный и занятый человек, достал конспект и начал читать его, совершенно не понимая, что там написано. Все упорнее вглядывался в расплывавшиеся буквы и мечтал, что называется, в дым!

Так и лекции слушал: о чем шла речь? А уж я-то где побывал. Жизнь, считай, в легкую, прожил!

Дома мать, выпившая, сидела на кухне за столом. Отца не было. Он в такие моменты старался уйти, а в этот раз уехал к себе на родину за продуктами. Жить надо было на что-то, кушать. А там все свое, деревенское. Лук, картошка, морковка, масло, молоко, морковка, сало... Родителей его уже не было в живых, снабжали родственники. С набором деревенских продуктов можно было протянуть пару месяцев. У матери родители были живы-здоровы, хозяйство, несмотря на годы, в чувашской деревне держали немалое. Все своими силами! Корова, бычок, овцы, гуси-утки-куры, собака, которую дедушка никогда не кормил — отпустит с цепи, пусть бегаёт, добывает. Лес рядом! Собака же и загоняла «крупный рогатый», когда скот возвращался с пастбища.

«Продуктовый набор» из Чувашии можно было привезти побогаче. Изредка, в каникулы, успевала «навестить» родителей мать, если к долгожданным выходным не запивала. Туда обычно ездил я. Иначе — кирдык.

— Сынок, ты?

— Да, мам, конечно, я, кто же еще, — на улице темнело.

— Голодный?

— Нет, — хотелось побыстрее проскочить в свою комнату.

— Пожалуйста, посиди со мной минутку, — мама говорила так жалостливо, что отказать было невозможно: ни сейчас, ни... да никогда!

— Мне надо готовиться к экзаменам, — попытался отговориться.

— Ну, пожалуйста, сыночка, — так мать меня называла только в такие моменты.

— Хорошо, пять минуток.

— Вот послушай, какие великие стихи, их надо каждому знать...

Мать тут же повеселела, взяла раскрытую книжечку и начала читать. Старалась при этом, даже своим пьяным голосом, читать проникновенно —

доносит смысл. Получалось замедленно, но так напевно, щемяще приятно. У чувашей певучий язык.

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся тихие, светятся чудные,
Слышится шум польницы...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!

— Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

— Это Рубцов, величайший поэт, и мало кто его сейчас помнит, это Есенин наших дней. Ты знаешь...

— Да, все знаю! — Перебил её, но мать меня уже не слышала, её уносила бурная река эмоций.

— Его же жена подушкой задушила?!

— Нет, этого не слышал.

— Как так, Гошенька? Как ты можешь этого не знать? И вот твой папа такой же... Хотя нет...

— Мам, стихи я знаю, про подушку ты мне сто раз уже рассказывала. То есть про жену! — Надо было быстрее сваливать. Мама могла долго читать стихи или отрывки из Достоевского, гнать в таком состоянии на отца, — я пойду, мам, учить конспекты, очень надо, — встал, но мать никогда просто так не отпускала, схватила меня умоляюще за руку и посадила обратно.

— Конечно, сейчас сыночка, еще минуточку. А ты помнишь, как ты маленький в садик один ходил. Тебе было четыре года, а там так все удивились, — я эту историю слышал тоже тысячу раз, и, кстати, несмотря на маленький возраст — помнил самого себя отчасти в то время и удивление тех самых воспитателей. Тогда как раз уходил отец из семьи к другой женщине и мать, — только сейчас вдруг связал меж собой эти два этапа жизни, уход отца и пьянство матери. Отец уходил не сразу, метался от одной к другой, и мама, вместо того чтобы стать терпеливой, ждущей, пила демонстративно, яро, а вот, какая я, и лети все к лешему! Мне же, маленькому, казалось, что она просто болеет.

Действительно, в свои четыре года, не допросившись как-то с утра мать отвести меня в сад, отправилась туда самостоятельно. Через два квартала с оживленными перекрестками и движением транс-